

С. И. Вайнштейн

**ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ОЛЕНЕВОДСТВА В ЕВРАЗИИ**

(II. РОЛЬ САЯНСКОГО ОЧАГА
В РАСПРОСТРАНЕНИИ ОЛЕНЕВОДСТВА
В ЕВРАЗИИ)

В нашей предыдущей статье¹ обосновывались, в частности, положения о том, что Саяны являются древнейшим очагом domestikации оленя, а начальный этап развития саянского оленеводства — использование оленя под вьюк — протекал в самодийской этнической среде. Мы опирались при этом на анализ различных источников (письменных, этнографических и др.), характеризующих собственно Саянский очаг. Между тем кардинальное значение для обоснования моноцентрической концепции происхождения оленеводства имеет вопрос о генетической связи с Саянским очагом оленеводства других регионов Евразии и прежде всего тунгусского, распространенного в значительной части таежной зоны Северной Азии. Решение этого вопроса имеет важное значение и для разработки ряда узловых моментов в этнической истории эвенков и других оленеводческих народов Евразии.

В литературе, как уже отмечалось в предыдущей статье, высказывалось предположение, что саянское и тунгусское оленеводство имеют общее происхождение. Этот взгляд поддерживал А. Н. Максимов, исходивший, как, впрочем, и другие авторы, лишь из факта близости мест расселения юго-западных эвенков и саянских оленеводов². Точку зрения о едином Саяно-Алтайском очаге происхождения домашних оленей разделял и Н. И. Вавилов. Этот взгляд отражен на его карте мировых центров одомашнивания животных³.

Противники моноцентрической гипотезы происхождения оленеводства не без оснований указывали на весьма существенные различия саянского и тунгусского оленеводства, в связи с чем отрицали какую-либо возможность их генетической связи. Действительно, различия между этими двумя типами очень велики. Саянские оленеводы садятся на оленя слева, тунгусские — справа; саянские кладут седло почти на середину спины оленя, тунгусские — на его лопатки; в Саянах исполь-

¹ См.: С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии (I. Саянский очаг одомашнивания оленя), «Сов. этнография», 1970, № 6.

² А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства, «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. 6, М., 1928, стр. 27, 28.

³ Карта была подготовлена Н. И. Вавиловым в связи с его докладом о центрах происхождения культурных растений и домашних животных на Совещании по вопросам происхождения домашних животных, организованном АН СССР в марте 1932 г. Доклад не был опубликован. Карту же со ссылкой на Вавилова привел С. Н. Богословский в своей статье «О путях к овладению эволюцией домашних животных» (см.: сб. «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных», т. I, М.—Л., 1940, стр. 25, 26. Одним из редакторов сборника был Н. И. Вавилов).

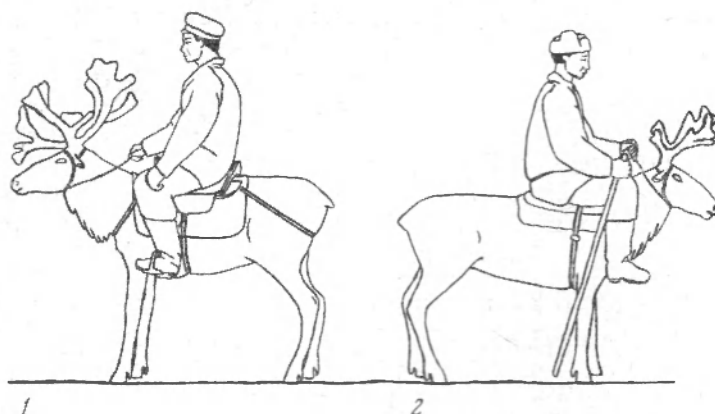

Рис. 1. Способы верховой езды на олене: 1 — саянский способ, 2 — тунгусский способ.

зуют сходное с конским верховое седло со стременами, тунгусские оленеводы пользуются совершенно иным по конструкции верховым седлом и не знают стремян. Заметно отличаются у них и вьючные седла. У саянских оленеводов ноги при езде опущены и носок вдет в стремя, у тунгусских же бедро покоится на седле (рис. 1); первые сравнительно редко пользуются посохом, вторые — почти постоянно. Наконец, саянские оленеводы не знают нартенной упряжки, которая распространена у некоторых тунгусских групп. Есть и другие отличия.

Наиболее решительно против концепции единого центра происхождения оленеводства в Сибири выступили Г. М. Василевич и М. Г. Левин⁴. Различия саянского и тунгусского типов оленеводства привели их к выводу, что оба эти типа возникли независимо один от другого, причем особенности первого развились под влиянием тюрок-коневонов, а второго под влиянием коневодов-монголов. Взгляды Г. М. Василевич и М. Г. Левина получили широкое распространение и признание среди современных этнографов.

Предпринятое нами сравнительное изучение саянского и тунгусского (сибирского)⁵ типов оленеводства показало, однако, недостаточную убедительность указанной концепции. В нашей предыдущей статье было отмечено, что существенные различия между этими типами нельзя объяснять особенностями влияний коневодов-тюрок и коневодов-монголов, так как коневодство этих народов, судя по археологическим, письменным и этнографическим материалам, не различалось существенно ни в период возникновения оленеводства, ни позднее.

⁴ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, «Сов. этнография», 1951, № 1; ср.: А. М. Золотарев, М. Г. Левин, К вопросу о древности и происхождении оленеводства, сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I, М.—Л., 1940, стр. 171—188.

⁵ Нельзя признать удачным название, предложенное в «Историко-этнографическом атласе Сибири» (далее ИЭАС) (М., 1961, стр. 24) для вьючно-верхового оленеводства главным образом тунгусских народов, как оленеводства сибирского типа, в отличие от саянского. Ведь саянское оленеводство по географическому признаку также является сибирским. М. Г. Левин и Г. М. Василевич употребляют название «забайкальский тип». Этот термин также не точен, так как тунгусское вьючно-верховое оленеводство охватывает значительно большую территорию (от Енисея на западе до Охотского побережья на востоке). Тунгусским этот тип оленеводства также можно назвать лишь условно, так как он известен не только у эвенков и негидальцев, но и у некоторых групп якутов, долган. Но поскольку именно с тунгусскими народами связано развитие и распространение оленеводства этого типа, название «тунгусский» мы считаем более правильным.

В нашем исследовании мы исходили из того, что если древнейшее саянское и тунгусское оленеводство были действительно генетически связаны, а вьючное использование оленя предшествовало верховому, то такая связь должна прежде всего обнаружиться в сходстве конструкций вьючных седел, как наиболее древних. И действительно, сравнительно-типологическое изучение седел показало, что между саянскими и тунгусскими верховыми седлами в конструктивном отношении имеются принципиальные отличия, а в устройстве вьючных седел таких различий нет, несмотря на резкое несходство их внешнего вида. Оказалось, что ленчики вьючных тунгусских седел (их остов) конструктивно почти идентичны ленчикам вьючных седел саянского типа (рис. 2), что делает весьма вероятным их общее происхождение. Как в саянском, так и в тунгусском типах ленчики вьючных седел состоят из двух изогнутых луков с отверстиями на концах, через которые пропускаются кожаные ремешки, служащие для крепления луков с плоскими полками. Полки же имеют подпрямоугольную форму и делаются из тонких дощечек. Различие заключается лишь в том, что в седлах тунгусского типа полки ленчиков помещаются либо в мешок, либо плотно обшиваются, а в саянских такая обшивка отсутствует.

Но не может ли это, с нашей точки зрения, вторичное различие отражать иное происхождение тунгусского вьючного седла и указывать на его генетическую связь не с саянским вьючным оленьим седлом, а с древним мягким верховым конским седлом, состоявшим из двух сшитых мешков-подушек, которое известно нам по древним изображениям и находкам в Пазырыкских курганах Алтая, датируемых скифским временем?⁶ Впервые на это сходство обратил внимание М. П. Грязнов, который писал, что современное седло долган (оно заимствовано у эвенков и относится к тунгусскому типу.— С. В.), употребляемое ими для езды на оленях, можно считать переходным типом от мягкого седла к седлу с жестким остовом. Седло долган также (как и у коневодов скифского времени.— С. В.) состоит из двух подушек, но внутри подушек имеется твердая основа в виде двух параллельных, прочно скрепленных друг с другом, досок⁷.

Точка зрения Грязнова позволила предполагать, что седла тунгусского типа были заимствованы предками эвенков у коневодов, которых

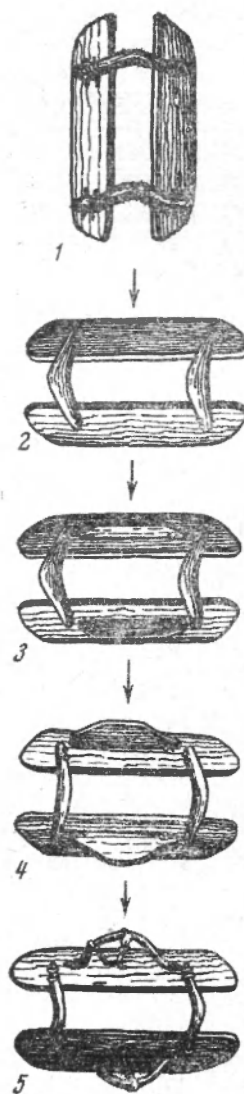

Рис. 2. Ленчики оленьих седел: 1 — ленчик саянского вьючного седла; 2 — ленчик тунгусского вьючного седла (енисейские эвенки); 3 — ленчики верхового тунгусского седла «с планками», 4, 5 — ленчики верховых тунгусских седел «с крылышками».

⁶ С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.—Л., 1953, рис. 99.

⁷ М. П. Грязнов, Первый Пазырыкский курган, Л., 1950, стр. 57.

такое «переходное» седло было известно в период от рубежа нашей эры (ранее применялось мягкое седло без какого-либо деревянного остова) и до VI в., когда конское верховое седло приобретает известные нам формы, существенно стилизующиеся от указанного вьючного седла⁸.

Данная гипотеза, которую мы одно время также разделяли, исходит из предположения, что верховое конское седло «переходного типа», существовавшее в первой половине I тысячелетия н. э., было сходно с рассматриваемым вьючным седлом. Детальный анализ убедил нас в ошибочности такого заключения, так как формы верхового седла с полками из подпрямоугольных дощечек, по нашим данным, появились лишь во II тысячелетии н. э. К тому же эти седла использовались со стременами и без какой-либо обшивки полок⁹. Единственное известное по раскопкам седло из Ноин-улы, относящееся к рубежу нашей эры, сохранилось лишь фрагментарно, но совершенно очевидно, что оно не имело полок. Внутри его подушек проходило несколько квадратных в сечении палочек, концы которых укреплялись в отверстиях деревянных лук¹⁰. Следовательно, седло из Ноин-улы имело иное устройство ленчика, чем рассматриваемые вьючные седла тунгусского типа. Конские седла «переходного» типа с полками из плоских дощечек, обшитых мешком, ни в одном археологическом комплексе обнаружены не были. Все это заставляет нас отказаться от гипотезы М. П. Грязнова, в основе которой лежит предпосылка, что олени вьючные седла с полками, обшитыми мешком, являются переходными между мягкими верховыми конскими седлами скифского времени и более поздними жесткими.

Допустим, что вьючное седло с полками в мешках, как и оленеводство, возникло у предков эвенков независимо от Саянского очага одомашнивания оленя в отдаленных от Саян районах за пределами бассейна Енисея и Прибайкалья. Однако от такого предположения также приходится отказаться, так как именно здесь, в верхней части бассейна Тунгусок и Лены, сохранилось древнее вьючное седло рассматриваемого типа, а верховое оленеводство осталось почти неизвестным. Именно это обстоятельство позволяет характеризовать данный регион как район древнейшего тунгусского оленеводства. В пользу генетической связи тунгусского и саянского оленеводства может свидетельствовать и почти полное сходство конструкции специфических оленьих недоуздов (рис. 4), состоящих из петли-оброти, к которой пришивались два кожаных ремешка (их завязывали на затылке за рогами). Оброть надевалась на морду так, чтобы место сшива, от которого отходил поводок, приходилось под шеей. Верх оброти располагался над глазами. Такие недоуздки употребляются ныне и у саянских и у тунгусских оленеводов. Следует, однако, иметь в виду, что древнейшие саянские недоуздки имели иную конструкцию (ср. рис. 3 и 4). О ней можно судить по таштыкским фигурам оленей из Хакасии (Сырский чаатас, раскопки Л. Р. Кызласова) и сыснчурекским изображениям всадника на олене из Тувы¹¹.

⁸ См.: С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3, стр. 62—74.

⁹ Там же.

¹⁰ С. И. Руденко, Культура хуннов и ноинулинские курганы, М.—Л., 1962, стр. 49, 50, а также табл. XXIV, рис. 3. С. И. Руденко считал это седло вьючным, но нам представляется, что скорее оно все же было верховым.

¹¹ Этот замечательный и уникальный рисунок публикуется впервые. Мы видим бегущего оленя с короткими рожками, на одном из которых заметно характерное утолщение. Вытянутая шея и длинные ноги животного символизируют стремительность движения. Всадник на олене также изображен с подчеркнуто длинной шеей и устремленной вперед головой. Сильный ветер отнес его волосы назад. Он сидит «по-саянски» — на середине спины оленя, но ноги всадника свисают, — следовательно он не пользовался еще саянским верховым седлом со стременами. Заметим, что подобным образом не могли свисать ноги у всадника, едущего «по-тунгуски» (т. е. с горизонтально расположенными бедрами). Руки ездока напряженно вытянуты вперед, причем одна

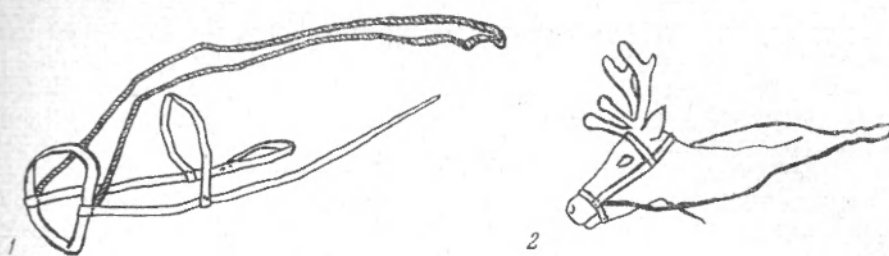

Рис. 3. Древний олений недоуздок (1) и способ его использования (2). Реконструкция автора.

Рис. 4. Современный олений недоуздок у саянских оленеводов (слева) и способ его использования

(петроглифы на горе Сын-Чюрек открыты автором). Судя по сын-чюрековскому петроглифу (рис. 5), повод древнего саянского оленьего недоуздки имел не один, а два конца, причем отходили они не от задней части головы у шеи (современный способ), а от передка морды. Сам недоуздок, как уже отмечалось в предыдущей статье¹², был значительно сложнее. Сложный древний олений недоуздок бытовал, судя по двум упомянутым изображениям, на рубеже нашей эры. Следовательно, если сходство тунгусского недоуздки с современным саянским объясняется его заимствованием, то такое заимствование относится, вероятно, к тому времени, когда уже сложился упрощенный тип саянского недоуздки, т. е. не ранее начала нашей эры.

Важно отметить, что в настоящее время недоуздки всех оленеводов Евразии имеют конструктивное сходство¹³. Это, с нашей точки зрения, объясняется их генетической связью и тем, что они ведут свое происхождение из одного очага. Мы видим, что саянское и тунгусское оленеводство имеют много сходных черт (отметим, что саянское и тунгусское оленеводство связывает также доение оленей и полное тождество одного из видов берестяных сосудов, применяющихся при доении)¹⁴. Но могли ли в древности существовать между жителями Саян и тунгусскими группами реальные контакты, без которых вопрос о генетической связи рассматриваемых типов оленеводства был бы беспредметным?

из них натягивает повод. Отчетливо показаны два конца повода, отходящие от передней части морды оленя. Эта упряжь отличается от упряжи всех современных оленеводов Евразии.

¹² См.: С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии, стр. 10, 11.

¹³ Простой недоуздок, состоящий из ремешков, которые завязываются за рогами оленя, а также поводка, применяют ныне все оленеводы Евразии для вьючно-верховой упряжи. Ряд народов использует этот недоуздок для упряжи ездовых и грузовых нарт (чукчи, коряки, юкагиры, эвенки, часть эвенов). Подобная упряжь грузовых нарт встречается у всех самодийских народов. Ненцы, энцы, нганасаны, кеты и др. используют для передовых, частично для пристяжных оленей, недоуздки той же конструкции, но оброть составлена из ремешков и костяных пластин.

¹⁴ Эти очень своеобразные сосуды имели коническую форму, пришивное выступающее дно и цилиндрическую крышку с выступающим верхом. У саянских оленеводов

Известно, что территория распространения тунгусского населения к приходу русских в XVII в. включала Присаянье: эвенки обитали по рекам Белой, Китою и, возможно, в верховьях Иркута. Верхолениские эвенки периодически проникали в Саяны¹⁵. В русских документах XVII в. встречаются указания о том, что тунгусы с верховьев Лены ходили в Саяны, выменивали и даже воровали у тамошних жителей оленей и вступали в различного рода другие контакты¹⁶. У нас нет оснований сомневаться в том, что и задолго до прихода русских имели место контакты жителей Саян с населением верхней Лены. Более того, можно полагать, что в древности территория расселения предков эвенков простиралась до восточного Присаянья.

По сведениям Ю. Д. Талько-Грынцевича, отороченные эвенки-хамисганы по преданию пришли в места их нынешнего обитания с Саян, где они были соседями восточных гувинцев¹⁷. Уже в неолитическое время зона формирования тунгусов включала, вероятно, и восточные Саяны, где в раскопанной нами Тонмакской стоянке найден инвентарь¹⁸, имеющий определенные параллели в синхронных памятниках Прибайкалья и даже верхнего Вилюя, и где поныне у местного населения сохранился катангский антропологический тип, столь характерный для западных эвенков. С другой стороны, самодийцы, проникшие в Саяны, вероятно, уже в неолите и оттеснившие тунгусов, вклинились в Прибайкалье, как это не без оснований полагает А. П. Окладников¹⁹. О пребывании самодийцев в Прибайкалье свидетельствует ряд фактов, в частности и то, что там ряд топонимических наименований разъясняется из самодийских языков.

Исследованиями М. Г. Левина установлена антропологическая близость тувинцев-оленоводо-тофаларов и западных эвенков, объединенных одним катангским типом байкальской расы²⁰. Эти выводы Левина нашли подтверждение в антропологических исследованиях Ю. Г. Рычкова²¹. Сходные результаты, указывающие на древние этнические связи современного таежного населения Саян и тунгусов, получены Ю. Г. Рычковым и на основе анализа групп крови у тофаларов и западных эвенков²². О том, что такие связи имели место и в сфере культуры, говорит, в частности, определенное сходство в традициях шаманизма у саянских и тунгусских народов, ярким примером которого может служить тунгусский нагрудник, сохраняющийся в шаманском одеянии тувинцев-тодджинцев и тофаларов²³, сходные черты в конструкции и общность некоторых названий восточнотувинского и эвенкийского чума²⁴. Наличием

(см.: С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тодджинцы, М., 1961, стр. 93, рис. 78-в) и эвенков (Гос. музей этнографии народов СССР, кол. 911—7 и др.) они имеют почти полное конструктивное сходство даже в деталях, что исключает их конвергентное развитие.

¹⁵ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 304, 305.

¹⁶ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 1121, ст. 107, л. 4; ст. 144, л. 23; ст. 171, л. 123—128; ст. 182, л. 28.

¹⁷ Ю. Д. Талько-Грынцевич, К антропологии тунгусов, «Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Русского географического общества», т. VII, вып. 3, 1904.

¹⁸ См.: С. И. Вайнштейн, Археологические исследования в Туве в 1955 г., «Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы, истории», вып. IV, Кызыл, 1956.

¹⁹ А. П. Окладников, Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея, «Сов. археология», 1957, № 1.

²⁰ М. Г. Левин, К антропологии южной Сибири, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. 20, 1954.

²¹ Ю. Г. Рычков, Материалы по антропологии западных тунгусов, «Антропологический сборник», III, М., 1961, стр. 246—251.

²² Ю. Г. Рычков, Особенности серологической дифференциации народов Сибири, «Вопросы антропологии», М., 1965, стр. 18—32.

²³ См.: С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тодджинцы, рис. 152.

²⁴ См.: С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, М., 1969, стр. 31.

возможного общего субстрата у западных эвенков и оленеводов Саян, с точки зрения М. Г. Левина, объясняется общность ряда элементов в культуре указанных групп²⁵, что не исключает возможности длительных контактов между самодийцами и тунгусами в этом районе.

Однако в рамках предлагаемой гипотезы необходимо все же найти причину реальных различий в оленеводстве саянского и тунгусского типа. Вернемся к вопросу о выючных седлах. Как уже отмечалось, их ленчики сходны, но выючные седла тунгусского типа, в отличие от саянских, имеют обычно толстые за счет обшивки полки. К тому же для тунгусского типа характерно седлание на лопатки оленя, а в саянском — почти на середину спины. Почему же могли возникнуть эти различия? Биологи, изучавшие северного оленя, единодушно отмечают, что чем севернее он обитает, тем он мельче. Неоднократно делались опыты по переселению домашних саянских оленей в другие районы Сибири, и уже вскоре их потомство мельчало. Известный советский специалист по оленеводству И. В. Друри писал по этому поводу: «С перемещением на постоянное содержание в другую зону олени (домашние. — С. В.) быстро акклиматизируются и экстерьер их меняется в направлении, характерном для типичных местных оленей этой зоны²⁶». И. В. Друри приводит сравнительные данные по экстерьеру домашних оленей. Так, быки саянских домашних оленей Иркутской области, где живут тофалары, имеют в среднем длину туловища 120,4 см, а на северо-востоке Сибири — 105,5 см; то же соотношение характеризует ширину груди и другие показатели экстерьера, вес соответственно 152,7 и 93 кг. На территории расселения тунгусских групп данные по экстерьеру домашних оленей значительно ниже, чем у саянских²⁷. Таким образом, изменение экстерьера саянского оленя в новых экологических условиях очевидно и вызвало необходимость переместить седло с середины спины — саянский способ — на лопатки — тунгусский способ, а это в свою очередь потребовало использования преимущественно более мягких — помещенных в мешок или обшитых полок ленчика (ведь лопатки оленя под седлом находятся в движении).

Ныне древнее выючное седло с полками, обшитыми в виде мешка, сохранились лишь у эвенков Прибайкалья и бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок, у долган — на северо-востоке, у эвенков и части якутов — на северо-западе этого огромного ареала²⁸. У большинства же эвенков от низовьев Енисея на западе до Охотского побережья на востоке распространена более поздняя упрощенная и более плотная обшивка полок.

Возникает вопрос, почему в тунгусских языках название выючного оленьего седла «эмэгэн» созвучно названию конского седла — «эмээл» у монголов. Имеются и некоторые другие тунгусо-монгольские параллели в оленеводстве эвенков и коневодстве монголов²⁹. Заметим также, что тунгусское и монгольское названия для лошади совпадают. Не значит ли это все же, что выючное оленьё седло было заимствовано тунгусами у коневодов-монголов, как считают М. Г. Левин и Г. М. Василевич³⁰. Думаю, что нет. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что у монголов «эмээл» означает только верховое седло и сбрую для верховой езды, а у тунгусов — выючное седло (у тех же тунгусских групп, у которых имеется и верховое седло, оно носит другое название).

²⁵ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», нов. серия, т. XXXVI, М., 1958, стр. 192—194.

²⁶ И. В. Друри, Оленеводство, М., 1955, стр. 36.

²⁷ Там же, стр. 35.

²⁸ ИЭАС, карта на стр. 53.

²⁹ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 85.

³⁰ Там же.

Мы полагаем, что перенесение на вьючное оленьё седло названия верхового конского седла монголов объясняется тем, что еще до освоения оленеводства тунгусские группы, жившие в Прибайкалье, имели лошадей и пользовались верховыми седлами. Их приобретали у монголоязычных племен, территория расселения которых еще в древности включала лесные районы и вероятно достигала Прибайкалья. Нельзя не согласиться с Г. Н. Румянцевым, который, ссылаясь на факт древних связей тунгусских языков как с самодийскими, так и с монгольскими, отмечал, что местом, где предки самодийских, тунгусских и монгольских племен находились в непосредственном соседстве, могло быть только Прибайкалье, так как далее к востоку от Байкала никаких следов пребывания самодийских племен нет³¹. О том, что лошади от степных скотоводов, по-видимому, регулярно попадали к лесному населению Прибайкалья в процессе обмена задолго до возникновения оленеводства, свидетельствуют находки в этом районе костей домашних лошадей в ряде могильников с характерным для таежного неолита инвентарем, синхронным ранней бронзе степных районов³².

Поэтому более чем вероятно, что тунгусы, восприняв у саянских самодийцев оленья и вьючные седла, перенесли на последнее название конского верхового седла, которым они пользовались, когда имели до этого дело с конем.

Сравнительно-типологическое изучение особенностей саянского и тунгусского оленеводства позволило прийти к заключению, что все другие имеющиеся различия можно объяснить в рамках моноцентрической гипотезы происхождения оленеводства.

Начнем с различий между саянскими и тунгусскими верховыми седлами. Исследование конструкций вьючных и верховых седел тунгусского типа привело нас к совершенно неожиданному выводу, что все разновидности верховых оленьих тунгусских седел восходят не к конскому верховому седлу, как предполагалось, а к вьючному оленьему, которое в свою очередь имеет конструкцию ленчика, общую с саянским вьючным седлом (рис. 2, 1). Наиболее простой формой тунгусского верхового седла может считаться седло, распространенное у витимо-олекминских эвенков: по конструкции ленчика оно почти ничем не отличается от вьючного оленьего седла. Следующим этапом развития верхового седла было седло с выступами по бокам для ног (их бедренной части), которые как бы заменили собой спорадически применявшиеся ранее опоры для бедер всадника, которые состояли из подвешенных по обе стороны вьючного седла небольших вьючных сум. Реликт этого древнего способа езды на вьючном седле и поныне сохранился у енисейских эвенков, не знающих верховых седел. Старики, больные вешают по обеим сторонам вьючного седла сумы, садятся поверх них, причем бедра достаточно удобно покоятся на этих вьючных сумах. Этот способ был остроумно закреплен в конструкции верхового седла, где вдоль средней части полок по обе стороны седла прикреплялись планки (седло «с планками», рис. 2, 3), которые затем обшивались. Следующим этапом усовершенствования седел было применение на полках планок с овальным выступом в середине (что более удобно при верховой езде, см. рис. 2, 4) и, наконец, эти боковые «крылышки» полок начали делать в виде изогнутых дужек с подпорками — более легкими и прочными (рис. 2, 5). Так возникли седла, которые в специальной литературе получили наименование «седел с крылышками». Таким образом, отличие саянских и тунгус-

³¹ Г. Н. Румянцев, Происхождение хоринских бурят, Улан-Удэ, 1962, стр. 92, 93.

³² Г. П. Сосновский, Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье, сб. «Из истории докапиталистических формаций», М.—Л., 1933, стр. 210—222. Упоминание Г. П. Сосновским о находке в неолитическом погребении на Лене костей домашнего оленя (там же, стр. 216) было ошибочным.

ских седел объясняется не различным происхождением рассматриваемых типов оленеводства, а тем, что верховые формы тунгусского седла развивались из вьючного, заимствованного в Саянском очаге и приспособленного к экстерьеру местного оленя. Верховые седла саянского типа со стременами восходят к верховым седлам тюрок-коневодов. Саянские оленеводы начали применять их лишь в середине II тысячелетия н. э. о чем уже шла речь в нашей предыдущей статье.

Рис. 5. Всадник на олене (петроглиф на горе Сын-Чюрек, Тува). Фото автора.

Выявив типологию тунгусских седел, мы можем попытаться наметить в самых общих чертах пути их распространения в Сибири. При этом мы используем то обстоятельство, что бытование этих типов поныне ограничено локальными территориями³³. Можно полагать, что ареал древнейших тунгусских вьючных седел с обшивкой в виде мешка включал первоначально район Присаянья — Прибайкалья. Отсюда этот тип седла распространился достаточно широко вплоть до Охотского побережья, но позднее у значительной части тунгусских групп Сибири был вытеснен более совершенной формой вьючного седла с плотной обшивкой полок. Архаическая форма вьючного седла сохранилась сейчас лишь «островами» — у эвенков от Прибайкалья до правобережья среднего Енисея, у долган на крайнем Севере, у эвенов и части якутов в междуречье Яны и Индигирки. В Забайкалье использовалось для верховой езды седло, близкое вьючному, а в районах Северной Сибири распространилось верховое седло «с планками». Верховое седло с «крылышками», бытующее у тунгусских народов в юго-восточной части Сибири, могло проникнуть к ним только из Северной Сибири, где поныне сохранилось седло «с планками», послужившее исходной формой для седла «с крылышками».

³³ Территория современного бытования различных типов оленьих седел с достаточной полнотой отражена в очень ценной работе Г. М. Василевич и М. Г. Левина, опубликованной в «Историко-этнографическом атласе Сибири» (стр. 24—53).

Наша гипотеза вполне объясняет существующие различия в типах оленеводства за исключением одного — способов посадки на оленя. Напомним, что саянские оленеводы садились на оленя слева, а тунгусские — справа. Различие очень существенное. М. Г. Левин и Г. М. Василевич пытались объяснить его тем, что саянские народы заимствовали оленеводство у коневодов-тюрок, а тунгусские — у коневодов-монголов. Однако, как уже отмечалось, эта точка зрения не выдерживает критики, так как между коневодами-тюрьками и монголами, как вообще коневодами Евразии, различий в способах посадки не было — все садились на коня только слева.

У оленеводов Саян посадка на оленя слева сохраняла традицию коневодства и тогда, когда была освоена верховая езда на седле со стременами (аналогичном конскому). Вероятно и ранее, когда на саянского оленя садились лишь изредка, способ посадки был таким же. У тунгусских же народов при посадке на оленя, более слабого, чем саянский, а также при верховой езде почти постоянно пользуются посохом. Но посох, разумеется, удобнее держать в правой руке, а следовательно, садиться на оленя удобнее справа. Постепенно посадка справа стала традиционной для оленеводства тунгусского типа. Заметим, что в саянском оленеводстве у тувинцев-тоджинцев и тофаларов посох хотя и употребляется, но лишь немногими и sporadически.

Так могут быть разъяснены различия, существующие между саянским и тунгусским типами оленеводства, которые, как мы видим, не противоречат концепции единого саянского очага одомашнивания оленя. Вместе с тем необходимо отметить, что тунгусское оленеводство было, по всей вероятности, связано с саянским лишь на раннем этапе своего развития, а поздние его формы складывались независимо, что и объясняет те существенные различия между саянским и тунгусским типами выючно-верхового оленеводства, которые мы наблюдаем. Несомненно что повсеместно выючное использование оленей предшествовало не только верховому, но и упряжному оленеводству. Вполне вероятно, что у некоторых тунгусских групп уже на раннем этапе развития оленеводства, возможно тогда, когда еще не возникло верховое оленеводство, были сделаны попытки передвигать ручные нарты с помощью оленя. Сохранилось свидетельство китайских источников о народе увань (или гуй, гяй), жившем, по-видимому, в северном Забайкалье. В «Тан-шу» говорится, что у них «нет ни овец, ни лошадей. Содержали оленей как домашних скот; кормили их мохом и впрягали в телеги»³⁴. Это сообщение относится к VII в. н. э., и его достоверность, учитывая приведенные здесь же другие бытовые сведения, не вызывает сомнений. Однако есть сведения, хотя и менее достоверные, относящиеся к более раннему времени, о существовании оленеводства где-то в восточной части Северной Азии в конце V в. В некоем государстве Фусан, сообщает китайская хроника «Нань-ши» со слов буддийского монаха (499 г.), жители запрягают оленей в телегу, а из молока их делают кумыс³⁵. Сведения об оленеводстве

³⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 350. Ср. с сообщением в «Тайпин-хуаньюйцзи», где говорится: «...заставляют оленей тащить повозки» (Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 51). Г. М. Василевич считает, что этот народ был расселен по верховьям Олекмы, ссылаясь при этом на Н. В. Кюнера, который, однако, в своих работах такой локализации не дает, ограничиваясь указанием на северное Забайкалье.

³⁵ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 47. Попытка венгерского исследователя П. Хайду (см.: П. Хайду, К этногенезу венгерского народа, «Acta Linguistica», Budapest, 1953, т. II, № 3—4, стр. 279, примеч. 125) отнести упомянутое сообщение буддийского монаха о народе, доившем оленей уже в конце V в., к тунгусам Прибайкалья, ничем не обоснованы.

приведены среди ряда сообщений явно фантастического характера. Тем не менее они должны быть учтены в кругу интересующих нас фактов. Заметим, что у некоторых тунгусских групп нартенное оленеводство — явление весьма позднее (оно возникло в XVIII—XIX вв.). Нельзя не согласиться с Г. М. Василевич, что эвенки тундры и лесотундры (к северу от Нижней Тунгуски) творчески приспособили к условиям тайги нарту самоедского типа, заменив веерную упряжку парной³⁶.

Мы не имеем достаточно надежных источников для определения на основе выдвинутой нами концепции хронологических рамок возникновения оленеводства у тунгусов. Тем не менее можно полагать, что оленеводство у тунгусских групп возникло не ранее рубежа нашей эры, ибо нет никаких данных, которые бы позволяли говорить о существовании выючного седла у саянских оленеводов (от которых оно было, по нашему мнению, заимствовано тунгусами) ранее указанного времени и не позднее середины I тысячелетия н. э., когда об оленеводстве, по-видимому, тунгусских групп, имеются сведения в китайских источниках. Следовательно, наиболее вероятна дата — первые века нашей эры.

Таким образом, в одном из важнейших атрибутов тунгусского оленеводства — седлах — удается проследить эволюционный ряд, исходным районом которого можно считать Южное Прибайкалье, примыкающее к Саянам. Шло ли распространение оленеводства от Саян на Восток вместе с продвижением тунгусских групп по Сибири или в среде уже расселившихся по огромной территории Северной Азии тунгусоязычных племен — нельзя решить только на основе имеющихся материалов. Однако наиболее вероятно, что расселение тунгусов шло по значительной части Сибири на стадии оленеводства.

Как известно, по вопросу о путях расселения тунгусоязычных народов в Сибири существуют две основные точки зрения. Одна из них, выдвинутая в конце 30-х годов А. П. Окладниковым, исходит из того, что древнейшее население Прибайкалья, известное еще по неолитическим памятникам, было тунгусским и расселение тунгусов по Сибири шло в основном из этого района³⁷. Взгляды Окладникова были подвергнуты критике М. Г. Левиным, который считал наиболее древними в Сибири юго-восточных тунгусов, которые расселялись из занятой ими зоны на запад и север. В связи с этим проникновение тунгусов в район Прибайкалья было сравнительно поздним явлением. В Прибайкалье, по мнению Левина, ими было ассимилировано дотунгусское население. Исследователь обосновывал свою точку зрения при помощи различных видов источников, главным образом антропологического характера³⁸.

Важное значение М. Г. Левин придавал также оленеводству тунгусов, с которым он связывал их расселение по Сибири. «Широкое расселение тунгусских племен по Сибири, — писал М. Г. Левин, — было связано с возникновением и развитием у них оленеводства, первоначально появившегося у тунгусских групп горных районов Забайкалья — Приамурья под влиянием коневодства»³⁹.

Однако выводы М. Г. Левина по этногенезу тунгусов не являются общепринятыми. Так, Ю. Г. Рычков убедительно показал, что катангс-

³⁶ Г. М. Василевич, Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.), 1969, стр. 101.

³⁷ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. IX, 1941; его же, К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке), «Сов. этнография», 1950, № 2; его же, Тунгусо-маньчжурская проблема и археология, «История СССР», 1968, № 6.

³⁸ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.

³⁹ Там же, стр. 60.

кий антропологический тип, генетически связанный с древним населением бассейна Енисея и распространенный вплоть до Саян, принимал очень широкое участие в формировании антропологических особенностей различных тунгусских популяций. Рычкову удалось проследить кангский тип в составе тунгусов вплоть до Охотского побережья⁴⁰. Выводы Ю. Г. Рычкова не противоречат возможности расселения тунгусов из бассейна Енисея и Прибайкалья на восток.

Гипотеза о Южном Прибайкалье как древней родине тунгусов принимается и Г. М. Василевич⁴¹. Однако признавая это положение, Г. М. Василевич выступила против господствующей в науке точки зрения о расселении тунгусов по Сибири на стадии оленеводства, которую разделяли видные советские исследователи — В. Г. Богораз, М. Г. Левин, А. П. Окладников и др.⁴². Г. М. Василевич считает, вслед за А. М. Золотаревым⁴³, что значительная часть Сибири была заселена тунгусами на доолeneводческой стадии развития, и делает вывод о первичности расселения по тайге пеших тунгусов.

При этом она относит эвенков, использовавших оленя под вьюк и не знавших верховой езды («эвенкийский тип» оленеводства по Василевич) к пешим охотникам и делает отсюда выводы, что раз они занимали значительно большую территорию, чем охотники, знавшие также верховую езду («ороченский тип» по Василевич), то тем самым опровергается «положение М. Г. Левина о том, что наиболее широкую область расселения имели оленные тунгусы»⁴⁴. Но вряд ли можно согласиться с этим упреком в адрес Левина, так как тунгусы, располагавшие домашними оленями и использовавшие их под вьюк, были, конечно же, оленными охотниками и имели многие преимущества, которые предоставляло оленеводство даже на раннем этапе его развития. Именно эти преимущества позволяли преодолевать огромные расстояния в трудных горно-таежных условиях, размещая тяжелые грузы на вьючных оленях, и эти же преимущества способствовали ассимиляции дотунгусского палеоазиатского населения Сибири, которое занималось главным образом пешей охотой и рыболовством и не знало оленеводства. Будучи ассимилированными по языку, отдельные аборигенные группы нередко сохраняли свой традиционный быт и культуру, как, например, отунгушенные палеоазиаты Охотского побережья с характерным для них оседлым бытом и хозяйством, основанным на рыболовстве и морском зверобойном промысле, что справедливо отмечалось еще М. Г. Левиным⁴⁵.

Таким образом, мы не видим серьезных причин отказываться от точки зрения, согласно которой эвенки осваивали бескрайние просторы сибирской тайги на оленеводческой стадии. Вместе с тем вполне вероятно, что в то время, когда древнейшее вьючное седло и олень были освоены тунгусами Прибайкалья, предки эвенков расселились вплоть до Подкаменной и Нижней Тунгусок на северо-западе и верховьев Вилуя — на северо-востоке. Не исключено, что еще на доолeneводческой стадии отдельные группы тунгусов проникли в низовья Енисея, где

⁴⁰ Ю. Г. Рычков, Материалы по антропологии западных тунгусов, стр. 242—263.

⁴¹ Г. М. Василевич, Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения тунгусских народов), М., 1964, стр. 9; ее же, Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.), стр. 258.

⁴² В. Г. Богораз, Древние переселения народов в северной Евразии и Америке, «Сб. МАЭ», Л., 1927, VI, стр. 44; А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 43, М., 1955, стр. 9, 10; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, стр. 187—204.

⁴³ А. Золотарев, Новые данные о ламутах и тунгусах XVIII в., «Историк-марксист», 1938, № 2, стр. 80—83.

⁴⁴ Г. М. Василевич, Типы оленеводства тунгусоязычных народов, стр. 7.

⁴⁵ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, стр. 300.

поныне топонимика Таймыра хранит тунгусские названия⁴⁶. Но возможно, что тунгусы проникали на Крайний Север уже на стадии освоения оленеводства незадолго до продвижения сюда самодийских групп, частично вытеснивших тунгусов, а частично и ассимилировавших их в своей среде. С тунгусами, ассимилированными самодийцами, Б. О. Долгих связывает группу тидирисов в составе нганасан⁴⁷.

Не имея возможности в рамках журнальной статьи более подробно останавливаться на этом вопросе, укажем лишь, что очевидно древнейшая форма тунгусского оленеводства с вьючным седлом, полки которого были заключены в мешок, прежде всего была воспринята тунгусами на освоенных уже ими ранее землях и лишь затем начала распространяться вместе с движением по сибирской тайге «окрыленных оленями» (по меткому выражению В. Богораза) тунгусских групп.

Коротко остановимся на вопросе о происхождении упряжного (нартенного) оленеводства в тундрах Северо-Западной Сибири. Эта тема достаточно глубоко разработана в трудах М. Г. Левина и Г. М. Василевич, связавших упряжное оленеводство Северо-Западной Сибири с саянским районом одомашнивания оленя. Вполне обоснованным представляется вывод, что здесь собачья упряжка предшествовала оленной⁴⁸. В целом этот вывод не вызывает возражений, тем более, что археологическими исследованиями доказано существование в низовьях Оби упряжного собаководства уже в I тысячелетии до н. э.⁴⁹. Однако хотелось бы внести некоторые уточнения, относящиеся к разрабатываемой нами проблематике. М. Г. Левин и Г. М. Василевич не учли определенные традиции у аборигенного населения северной тундры, связанные с содержанием прирученного оленя-манщика со свойственной ему «упряжью». Между тем несомненно, что в тундровой зоне Евразии древнейшей формой domestikации оленя было приручение оленя-манщика. Эта форма возникла, вероятно, очень рано, во всяком случае она уже известна в I тысячелетии до н. э. и была широко распространена, но долгое время, очевидно, не выходила за пределы отдельных экземпляров. Поэтому мы считаем вероятным, что в развитии упряжного оленеводства сыграли роль не только навыки продвинувшихся в тундру групп таежного населения с вьючным оленеводством и знакомством арктического населения с собачьей упряжкой, но также и древней «упряжью» оленя-манщика. Особенно большой интерес в этом отношении представляют находки костяных наголовников оленя-манщика в памятниках усть-полуйской культуры на Нижней Оби, датируемых второй половиной I тысячелетия до н. э.⁵⁰.

Древние наголовники из Усть-Полуя оказались аналогичными недоузкам для тренировки оленей в нартенной упряжке, применяемым большинством оленеводческих народов Севера — чукчами, коряками, нганасанами, долганами, некоторыми группами эвенков и эвенами⁵¹. Этот чрезвычайно важный факт, к сожалению, не был отмечен исследователями проблемы генезиса упряжного оленеводства.

⁴⁶ Б. О. Долгих, Происхождение нганасанов, «Сибирский этнографический сборник, 1», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVIII, М.—Л., 1952, стр. 68.

⁴⁷ Там же, стр. 86.

⁴⁸ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, стр. 79.

⁴⁹ В. И. Мошинская, Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя, «Древняя история Нижнего Приобья», «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, М., 1953, стр. 84—86.

⁵⁰ В. И. Мошинская, Указ. раб., табл. IV.

⁵¹ В. С. Бурдов совершенно неосновательно пытается оспаривать вывод В. И. Мошинской о том, что в Усть-Полуе найдены детали уздечки оленя-манщика, см.: В. С. Бурдов, О носителях древней приморской культуры на полуострове Ямал, «Сов. археология», 1965, № 2, стр. 257.

Вопрос о носителях той древней культуры, или скорее нескольких культур, на базе которых после продвижения на север самодийских групп возникло упряжное оленеводство в Северо-Западной Сибири, до последнего времени не решен окончательно. Мы не будем останавливаться на этой проблеме, тем более, что ей посвящена обширная литература⁵². Можно с большой долей вероятности предполагать, что по крайней мере в отдельных районах тундры до распространения упряжного оленеводства жило население, для которого важную роль играла охота на диких оленей, были известны олень-манщик и собачья упряжка.

Значительный интерес вызывает вопрос о возможной связи лопарского и саянского оленеводства. В своих исследованиях М. Г. Левин и Г. М. Василевич совершенно справедливо пришли к выводу, что оленеводство лопарей имеет генетические связи с оленеводством самодийских народов⁵³, а следовательно, и с саянским оленеводством⁵⁴. Указанные авторы отмечают, что кережка, которую многие исследователи рассматривали как доказательство различия лопарского и самодийского оленеводства (К. Виклунд, А. Максимов и др.), в действительности свидетельствует о связях оленеводства этих народов. В прошлом, как показали М. Г. Левин и Г. М. Василевич, кережка была известна ненцам как в собачьей, так и в оленьей упряжках⁵⁵, а корытообразная ручная нарта, сходная с кережкой, применялась ранее не только лопарями, но и охотничьими народами вплоть до Саян, где она была известна камасинцам⁵⁶. Лопарское и самодийское оленеводство связывает также способ пропускания потяга между задними ногами оленя, а также применение пастушеской собаки. К этому следует добавить, что поводок у лопарей проходит слева. Противники возможных связей лопарского и самодийского оленеводства указывают, что наличие у лопарей вьючного оленеводства свидетельствует о его более высоком развитии (К. Виклунд, Г. Нелеман и др.). Нам представляется, что изложенный выше материал показывает ошибочность этого мнения. Однако нельзя не отметить принципиально иную конструкцию вьючного седла лопарей, отличающую его от подобного седла у саянских и самодийских народов. Седло это состоит из двух слегка изогнутых дощечек, скрепляемых в верхней части с помощью выступа на одной доске и отверстия на другой и связываемых под животом оленя. Груз крепится с помощью ремней⁵⁷. Однако в качестве приспособления, заменяющего вьючное седло, существует и более примитивное устройство. О нем мы можем судить по описанию Шеффера (обыкновенные еловые ветки кладутся на потник и связываются над спиной и под животом оленя)⁵⁸. Отличие вьючного седла лопарей от саянского, казалось бы, служит очень существенным аргументом, позволяющим говорить об отсутствии связи саянского и лопарского оленеводства. Между тем у саянских оленеводов, в особенности на промысле, вьючное седло иногда могли заменить сложенная шкура и несколько веток, привязанных к потнику. Не исключено, что лопарское седло в известных нам формах и восходит именно к такому примитивному устройству.

⁵² Б. О. Долгих, Проблемы этнографии и антропологии Арктики, «Сов. этнография», 1964, № 4; В. Н. Чернецов, К вопросу об этническом субстрате в циркулярной культуре, М., 1964.

⁵³ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 69—81.

⁵⁴ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, стр. 203.

⁵⁵ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 82.

⁵⁶ Там же. Во время экспедиции к тофаларам в 1967 г. нам удалось установить, что у них сохраняются воспоминания о применявшейся в прошлом ручной нарты, возможно корытообразной.

⁵⁷ Ø. Vorren, E. Manker, Samekulturen en oversikt, «Tromsø Museum Skrif-ter», vol. V, Tromsø, 1957.

⁵⁸ J. Schefferus, Histoire de la Laponie..., Paris, 1678.

Ряд фактов, прежде всего из области языка, позволяет предполагать древнее родство протосаамов с самодийцами, восходящее к I тысячелетию до н. э.⁵⁹. Вместе с тем требует еще своего объяснения возникновение, вероятно, более поздних параллелей в культуре современных лопарей и саяно-алтайских народов, причем их конвергентное развитие маловероятно. Таково поразительное сходство отдельных атрибутов шаманства⁶⁰, некоторых элементов жилища⁶¹ и др.

Учитывая поздний характер развития оленеводства у лопарей, сравнительно позднее проникновение самодийцев-олeneводов в Сибирь и существенные различия в оленеводстве лопарей и ненцев, в частности в форме вьючного седла саянского и лопарского типа, можно высказать предположение, которое представляется нам наиболее вероятным, что в прошлом лопари заселяли значительно более западные, чем теперь, территории. В их среду попали продвинувшиеся по границе леса и тундры небольшие группы лесных ненцев⁶², которые были знакомы с ранними формами вьючного оленеводства. Такая группа, оторвавшаяся от своих соплеменников и продвинувшаяся далеко на северо-запад, попав, возможно еще в I тысячелетии н. э., к лопарям, ассимилировалась ими, а оленеводство получило затем у лопарей развитие, независимое от оленеводства самодийского населения европейского Севера, в частности, развилась самобытная форма седла, доение и другие особенности⁶³. Следовательно, развитие лопарского оленеводства под воздействием саянского очага одомашнивания оленя в конечном счете представляется весьма вероятным.

Таким образом, рассмотренные выше материалы свидетельствуют в пользу моноцентрической гипотезы происхождения оленеводства в Евразии. Доместикация оленя в самодийской среде в Саянах (около рубежа нашей эры) положила начало постепенному распространению вьючного оленеводства у других народов Евразии, прежде всего у тунгусов. У евразийских народов позднее в процессе развития исходных форм сложились различные типы оленеводства, генезис которых выходит за рамки нашего исследования.

⁵⁹ П. А. Аристэ, Формирование прибалтийских языков в древнейший период их развития, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956; Г. М. Керт, Саамский язык, Л., 1971, стр. 8, 9.

⁶⁰ Е. Д. Прокофьева, Шаманские бубны, ИЭАС, стр. 450.

⁶¹ В недавно вышедшей работе Воррена и Манкера приведен рисунок одной из разновидностей лопарского чума (Ø. Vørgen, E. Mancker, Указ. раб., рис. на стр. 58), имеющего аналогии с чумом кетов, который в свою очередь имеет ряд параллелей в чуме саянских народов (см. С. И. Вайнштейн, Чум подкаменнотунгусских кетов, вып. XXI, КСИЭ, 1954, стр. 39—43).

⁶² О том, что еще в XVII—XVIII вв. часть ненцев населяла лесные районы европейского Севера см.: Е. И. Колычева, Ненцы Европейской России в конце XVII—начале XVIII в., «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 78; И. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, Спб., 1805, ч. 4, стр. 242 и сл.

⁶³ Выдвинутая нами точка зрения о путях проникновения саянского оленеводства к лопарям была подвергнута обсуждению в Институте этнографии АН СССР в 1966 г. и нашла поддержку у ряда исследователей. См., например, Т. В. Лукьяненко, Материальная культура саамов (лопарей), Автореф. канд. дис., М., 1968, стр. 19—20.

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF REINDEER BREEDING IN EURASIA

II. THE ROLE OF THE SAYAN CENTRE IN THE DIFFUSION OF REINDEER IN EURASIA

Tungus reindeer breeding originated in the first centuries A. D. under the influence of the Sayan centre of reindeer domestication. The study of the attributes of the Tungus reindeer harness shows that they stemmed from the Baikal regions where the ancestors of the Tungus were in contact with Sayan tribes to the north and to the east of

them. The Tungus borrowed from the Sayan Samodians not only certain attributes of pack reindeer breeding (the pack-saddle, the halter) but also the domesticated Sayan deer. The in new ecological setting became smaller, so for ridding it was necessary to place the saddle over the shoulder-blades (in the Tungus manner) but not over the middle of the reindeer's back (as done in the Sayans). This led to the necessity of bordering the supports of the saddle with tissue, since the reindeer's shoulder-blades moved under the saddle. The pack-saddle was later transformed by the Tungus into a riding-saddle by fixing a rest for the thighs on the supports of the saddle-tree; this permitted the use of the riding-saddle without stirrups but demanded the constant use of a staff which of course it was easier to hold in the right hand. In using a staff it is easier to mount the reindeer from the right side and to pass the rein on the right (the Tungus way) and not on the left (the Sayan way). This explains the origin of the main differences between the Sayan and the Tungus methods in reindeer breeding.

Reindeer breeding among all other Eurasian peoples, including probably the Saams, was in its initial form linked with the Sayan centre of reindeer domestication.